

Калягин А.А.

22.01.03

Слет профессионалов или встреча глухих?

Послесловие к Всероссийской режиссерской конференции

Под занавес ушедшего года в Москве прошла Всероссийская режиссерская конференция, к которой мы готовились очень долго и очень тщательно. И наверное, так бывает всегда после окончания дела, которым на протяжении долгого времени жили многие люди, — испытываешь двойственные чувства.

С одной стороны, радость, потому что все произошло, состоялось, съехались на два дня в Москву люди разного возраста, из разных географических точек, смогли наговориться всласть, общаться друг с другом. Ведь многие из них не виделись годами, а кто-то и десятилетиями.

С другой стороны, не могу скрыть чувства досады. И от самой нашей конференции, и от реакции на нее некоторых средств массовой информации.

Да, я понимаю, так устроен человек — когда сбывается что-то долгожданное, невольно испытываешь разочарование: что, и это все? Больше ничего не будет? Это вполне естественная психология того, кто старается, работает, ждет чего-то необычного, пусть подсознательно, надеется, что его похвалят, поблагодарят. Но есть и обратная сторона этой медали: те, для кого и был приготовлен сюрприз, начинают считать, что им чего-то недодали, что-то припрятали для себя.

Мне было очень досадно, когда на второй день нашей работы выходили к микрофону люди и говорили, что первый день прошел зря. Между тем в первый день выступили Анатолий Васильев и Григорий Дитятковский, Михаил Левитин и Марк Захаров, Петр Фоменко и Вениамин Фильштинский, Вячеслав Гвоздков и Александр Славутский... Этого мало? Это — пустой и бессмысленный день? Тогда почему после заседания, глубоким вечером, на мастер-классе, который проводили вместе Фоменко, Захаров и Васильев, было полно режиссеров не только из провинции, но и из Москвы, Санкт-Петербурга?

Мне искренне жаль тех, кто считает, что эти два дня прошли впустую. На самом деле я полагаю, что этих людей не так много и, пусть простят меня, причину этого ощущения им надо, наверное, искать в себе. Я — артист, работавший на своем веку с самыми разными режиссерами, привыкший с первых лет относиться к этой профессии не просто с уважением, но с тем особым доверием, без которого невозможно сделать спектакль. Я много десятилетий на сцене и хорошо знаю, что всегда есть понятие "масса" и понятие "личность". Однако в то время, когда я вел первую половину первого дня нашей конференции и смотрел в зал, я вдруг отчетливо увидел, как многое изменилось на протяжении моей жизни.

Мы задумывали и собирали Всероссийскую режиссерскую конференцию, чтобы всем вместе озаботиться режиссерской ответ-

ственностью за сегодняшний российский театр. Правильно сказал Михаил Бычков — совсем не обязательно чувствовать себя миссионером. Куда важнее для представителей штучной профессии уметь слышать и понять друг друга, уметь уважать друг друга, несмотря на все различия, на всю несопоставимость этических и эстетических пристрастий. И вот я смотрел в зал, на эти разные лица, и видел, что этим людям скучно слушать друг друга, неинтересно, какие мысли, какие чувства испытывает другой режиссер. Откровенно скучно и безразлично.

Вот что самое страшное, вот в чем наша беда!

Я отдаю себе отчет в том, что на сегодняшний день мы располагаем тем режиссерским цехом, которым располагаем. Нам не дано вырастить в пробирке новых Товстоногова, Эфроса, Акимова, Ефремова... Но многие режиссеры называют себя сегодня их учениками, не задумываясь о том, что произносят великие имена всуе. Что, научившись каким-то элементам профессии, они, к сожалению, не переняли у своих Учителей то главное, что делало их подлинными личностями, — общественный темперамент, интеллигентность, уважение к коллегам и артистам.

Все ли вправе считать себя миссионерами, учителями жизни? Или стоит задуматься каждому наедине с собой, имеет ли он на это право?

Театр — это игра, прекрасная и великая игра, которая стала смыслом нашей жизни, но смысл этот теряется в тех "мелочах", которые особенно крупно и выпукло бросаются в глаза на общих собраниях цехов, говорить ли здесь об актерах, режиссерах или критиках. Потому что, как ни странно это прозвучит, именно тогда, когда мы вместе, проявляются такие неприятные черты, как невнимание друг к другу, пренебрежение к ближнему.

Я хотел бы вспомнить слова одного из своих подлинных учителей, режиссера Михаила Швейцера: "Ненавижу правозащитников, которые борются за свои слова". У человека, несомненно, есть права, но есть и обязанности. Одна из обязанностей режиссера, как верно говорила Генриэтта Яновская, вспоминала Георгия Александровича Товстоногова, — воспитывать актеров, потому что, если актер плохо играет, виноват в этом режиссер, несущий ответственность за целостность всего спектакля.

А у нас, у Союза театральных деятелей, есть обязанность помочь режиссерам, насколько это возможно. Поэтому для меня так оскорбительно прозвучала заметка в одной из центральных газет с циничным заключением: "Бестолковая двухдневная говорильня была не чем иным, как затратной демократической формальностью для решения конкретной юридической проблемы". Поэтому газетные репортеры, забежавшие на

конференцию на пару часиков и сделавшие свои равнодушно-скороспелые выводы, огорчили меня не только как председателя Союза, но как артиста, как человека, которому вообще трудно, простите за каламбур, равнодушно воспринимать равнодушие.

Создание гильдии, за которую единогласно проголосовали режиссеры, — это огромная кропотливая работа. Законы хороши сами по себе. Вы знаете, что на Руси законы всегда были прекрасны и всегда вызывали изумление у нормальных людей тем, как они исполняются. Поэтому я и говорил в своем выступлении, что создавать гильдию надо в рамках Союза театральных деятелей. Избрана рабочая группа, которая до 1 марта 2003 года должна разработать целый ряд документов.

Гильдия — это огромная цепочка всевозможных соглашений, организационных, финансовых, и вряд ли здесь удастся справиться со всеми проблемами без помощи СТД. Гильдия нужна, на мой взгляд, и для того, чтобы режиссеры всей России общались на равных, слушали друг друга. А в Союз они все равно будут обращаться, когда понадобится защита.

На Всероссийской режиссерской конференции обсуждали очень важные, можно сказать, кардинальные для профессии проблемы. И как учить режиссеров, и как ими быть, и как сохранить духовность этой профессии. К сожалению, наши молодые режиссеры, которые уже заявили о себе, о которых говорят, не откликнулись на приглашение. Почему? Им неинтересно пообщаться со своими коллегами? Или это — вопрос этики, интеллигентности в прямом смысле слова?

Очень горько мне было потом слышать от разных людей заведомую ложь, будто бы их никто не пригласил.

Не думать обо всем этом не могу. И думаю о том, что, даже не придя на конференцию, молодые слышат нас. У них обостренный слух — и они слышат про отчисления, проценты, но не слышат про духовность театрального бытия. И когда мы говорим о том, что уходит русский психологический театр, наверное, стоит задуматься и о том, что из нас, режиссеров, актеров, ушла духовность.

Тем не менее чем больше проходит времени, тем больше отступают обиды, горечь, и остается, несмотря ни на что, уверенность: мы все-таки сделали то, к чему так долго и трудно шли. Даст Бог, и Гильдия режиссеров России будет жить в полную силу, обеспечивая своим членам жизнь более спокойную и стабильную, чем нынешняя. Пройдут годы, десятилетия, и, может быть, вспомнят, что год своего 125-летия Союз театральных деятелей отметил этим важным и нужным делом.

Александр КАЛЯГИН,
председатель СТД РФ

Кульгера. - 2003. - 16-22 янв. - с. 12

32